

ПОЛКОВНИК П. П. УНТЕРБЕРГЕР

Владимир Иванович КАЛИНИН, доктор биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории химии морских природных соединений Тихоокеанского института биоорганической химии ДВО РАН, вице-президент военно-исторического клуба «Владивостокская крепость»

Николай Буддаевич АЮШИН, кандидат биологических наук, президент военно-исторического клуба «Владивостокская крепость»

В 1930-е годы широко пропагандировалась традиция службы в дальневосточных частях Красной Армии и пограничных войсках членов одной семьи. На смену отцу зачастую заступал сын, на смену брату — брат, иногда родственники служили вместе, как, например, знаменитый танковый экипаж братьев Михеевых. Совместная служба, или, как говорили в военной среде до революции, сослужение родственников, существенно повышавшее боевую спайку войск, широко практиковалась еще в старой русской армии. Одним из наиболее ярких примеров такого сослужения была служба на Дальнем Востоке отца генерала и сына капитана Унтербергеров. Если имя военного губернатора Приморской области и генерал-губернатора Приамурского края инженер-генерала Павла Федоровича Унтербергера известно достаточно широко (см. «Россия и АТР» № 3, 2000 г.), то о его сыне Петре Павловиче до последнего времени в литературе почти не упоминалось. Вот почему мы попытаемся рассказать об интереснейшей и трудной судьбе талантливого военного инженера, автора проекта и строителя одного из самых больших и мощных фортификационных сооружений не только в России, но и во всем мире — форта № 2 Владивостокской крепости полковнике П.П. Унтербергере.

Петер Фридрих (Петр Павлович) Унтербергер родился 19 марта 1881 г. в Иркутске в семье начальника инженеров Восточно-Сибирского военного округа тогда еще полковника П.Ф. Унтербергера¹. Уже в детские годы ему пришлось изрядно поездить по самым разным уголкам обширной Российской империи. Образование он начал в Дерптском начальном училище, куда отец отправил сына для усвоения основ немецкой культуры, поскольку преподавание там велось на немецком языке, а в самом Дерпте (в настоящее время г. Тарту, Эстония) и окрестностях проживали его многочисленные родственники. Затем Петр продолжил учебу в классических гимназиях Владивостока и Нижнего Новгорода, переезжая вместе с отцом с одного места его службы на другое. Заканчивал гимназический курс Петр Унтербергер уже в Царском Селе, где жил в семье своего дяди — знаменитого военного медика, корпусного врача Гвардейского корпуса и придворного хирурга, тайного советника Семена Федоровича Унтербергера².

Петр Унтербергер начал офицерскую службу подпоручиком в 13 саперном батальоне после окончания Николаевского инженерного училища в 1902 г. с прикомандированием к лейб-гвардии саперному батальону, находясь при котором, в 1903 г. получил звание подпоручика гвардии. С 1905 г. по 1908 г. П.П. Унтербергер проходил обучение в Николаевской инженерной академии. Перед завершением обучения в академии П.П. Унтербергера постигла большая личная трагедия — умерла его первая жена Софья Михайловна, урожденная Аквилонова, дочь профессора филологии. Вместе они не прожили и трех лет. На руках Петра Павловича Унтербергера остался годовалый сын Георг Михаэл (Георгий Петрович)³. В связи с этими трагическими обстоятельствами П.П. Унтербергер не представил своевременно дипломный проект и, соответ-

Полковник П. П. Унтербергер

ственно, ему не присвоили звание военного инженера. По окончании академии П.П. Унтербергер получил назначение во Владивостокскую крепостную военно-телеграфную роту и был произведен в капитаны. По прибытии во Владивосток в 1909 г. он был прикомандирован к Управлению строителя владивостокских укреплений, где принял участие в разработке плана усиления крепости.

В следующем году П.П. Унтербергер женился на уроженке Владивостока Женни Хедвиг Хелене Бирк (по-русски Женни Людвиговна). Отец его второй жены действительный статский советник и гласный Владивостокской городской думы Людвиг Якоб Бирк был доктором медицины и выпускником Дерптского университета.

23 августа 1910 г. на заседании временной распорядительной комиссии по усилению Владивостокской крепости, проходившем под председательством коменданта крепости генерал-лейтенанта В.А. Ирмана, рассматривался проект весьма необычного оборонительного сооружения — форта № 2 на высоте 217, известной также

как гора Варгина. Проект представлял капитан П.П. Унтербергер³. Эта высота, на особо важное тактическое значение которой обратил внимание еще в 90-е годы XIX столетия первый начальник инженеров крепости полковник Чернокнижников, предложивший возвести здесь форт «Северо-Восточный», привлекла внимание самых высокопоставленных лиц Российской империи. В 1899 г. военный министр А.Н. Куропаткин специальным распоряжением остановил строительство форта на ее вершине как слишком удаленного от Владивостока⁴. В 1904 г. комендант крепости генерал-майор Д.Н. Воронец приказал недостроенное укрепление занять вновь и усилить. Комиссии по выработке нового плана укреплений, работавшие во Владивостоке в 1906—1908 гг., предложили построить на этой высоте форт, хотя сама высота оказалась несколько впереди выбранной главной оборонительной линии⁵. Это обстоятельство привело к разногласиям: Главное инженерное управление отказывалось утвердить план расположения укреплений, в то время как начальник инженеров Владивостокской крепости генерал-майор В.И. Жигалковский, исходя из опыта обороны г. Высокой в Порт-Артуре, также несколько выдвинутой вперед относительного оборонительного обвода, наоборот, настаивал на строительстве здесь мощного форта. В 1908 г. на вершине горы побывал инспектор артиллерии великий князь Сергей Михайлович, совершавший инспекционную поездку во Владивостокскую крепость, который как опытный артиллерист сразу же оценил важность высоты

217, как наблюдательного и корректировочного пункта⁶. Когда в 1909 г. в крепости получили телеграмму от Николая II, где император лично интересовался ходом работ по укреплению высоты 217, к составлению проекта форта даже не приступали. Прибывший по поручению царя во Владивосток министр финансов В.Н. Кокцов по настоянию Жигалковского совершил поездку на автомобиле на высоту 217, чтобы лично убедиться в ее важном тактическом значении, но из-за сильного тумана, обычного во Владивостоке, ничего не смог увидеть⁷.

Для надежной обороны горы даже при условии полного окружения форта № 2 неприятелем П.П. Унтербергер предложил создать так называемый расчлененный форт, элементы которого, разнесенные по большой площади, имели бы между собой огневую связь и надежно контролировали бы все подступы к вершине горы. Форт № 2 на две роты пехоты, шесть 3-дюймовых противотанковых пушек, восемнадцать скорострельных 57-мм пушек и 12 пулеметов имел первоначальную сметную стоимость 3 млн. 340 тыс. золотых рублей. По фронту он занимал около 650 м, а в глубину около 380. Общая длина его подземных сообщений, включая подземный выход в глубокий тыл, составила свыше 3,5 км. Унтербергер сумел органично включить пробуренные в годы русско-японской войны тоннельные убежища под недостроенным во времена К.С. Чернокнижника фортом Северо-Западный в систему подземных укрытий и сообщений форта № 2, что положительно оценили члены комиссии⁸. Поскольку был представлен лишь самый общий проект форта, его рекомендовали доработать, тщательно разработав детали расположения огневых сооружений и подземных коммуникаций. Получив за этот проект звание военного инженера, что было равноценно присвоению ученой степени, за неимением штатов Унтербергер 27 июля 1910 г. был переведен в распоряжение заведующего инженерной частью Омского военного округа, но остался во Владивостоке на должности помощника заведующего чертежной управления строителя Владивостокской крепости с исполнением обязанностей производителя работ 2-го строительного участка. 11 сентября 1910 г. уже на другом заседании распорядительной комиссии проект окончательно утвердили⁹. Впоследствии специалисты отмечали нетривиальность инженерных решений, найденных П.П. Унтербергером при проектировании форта, и план этого форта приводился в дальнейшем в советских учебных руководствах по фортификации в качестве образца¹⁰.

Осенью 1910 г. Унтербергер первым во Владивостокской крепости начал тоннельные работы, выводя подземные коммуникации из старых пещерных убежищ. К зиме он перебрался на форт на постоянное местожительство¹¹. В 1913 г. за выдающиеся успехи при производстве работ, по представлению начальника инженеров крепости и строителя Владивостокских укреплений генерал-майора А.П. Шошина, Унтербергер был произведен в подполковники¹¹. Вышестоящими начальниками неоднократно отмечалось высокое качество и аккуратность работ, что позволило сэкономить часть дорогостоящих материалов и возвести на форту по инициативе П.П. Унтербергера сверхпроектные оборонительные сооружения, а именно — дополнительную минную контрэскарповую галерею на наиболее вероятном направлении атаки неприятеля, пристроить к горжевой казарме боевые казематы для обстрела промежутка между фортами № 2 и № 3, построить полукапонир для обстрела промежутка между фортами № 2 и № 1, пробить дополнительную потерну и приступить к строительству сверхпроектного кофра для обороны одного из участков горжевого рва¹². Унтербергеру даже в голову не могло прийти утаить полученную экономию и получить от этого какую-либо корысть. Здесь сказалось фамильное качество Унтербергеров — абсолютная честность, почти неправдоподобная по нынешним временам. В.Ю. Янковская, друг семьи Унтербергеров, вспоминает, что по рассказам Петра Павловича, он, обучаясь в Николаевском инженерном училище, украдкой подобрал перчатку, оброненную на смотре императором Николаем II. Однако, когда император обнаружил пропажу, Унтербергер немедленно сознался в содеянном, а император сказал: «На ней дырка. Верни мне ее, и моя мама — Мария Федоровна — заштопает ее, и я ее тебе верну». И вернул. Перчатка хранилась в семье П.П. Унтербергера как реликвия¹³.

В конце 1914 г. П.П. Унтербергер, сдав строительный участок флотскому инженер-механику Столярову, отбыл на фронт. Незадолго до этого у него родилась дочь Лили (Хелене) Эдит Женни.

В письмах Элеоноры Прей, американки, проживавшей во Владивостоке с 1894 по 1930 г. и бывшей близкой подругой Женни Людвиговны Унтербергер, приводятся публикуемые ниже яркие картины быта семьи Унтербергеров¹⁴:

1910 г.

11/02. Прошлый вечер мы были на обеде у Бирков и очень приятно провели время — только американки и датчанки нашего круга — в сопровождении их респектабельных русских мужей, само собой разумеется. Я была рада разглядеть немного ближе капитана Унтербергера, поскольку он жемится на Женни, которая нам как своя. Он выглядит очень симпатичным — настолько, насколько можно ожидать от сына таких родителей, как генерал и госпожа Унтербергеры, очень симпатичных, добросердечных людей.

12/17. Бракосочетание Женни состоится в следующий четверг, и в прошлую среду я устроила для нее маленькое чаепитие, на котором мы подарили ей кухонную книгу, в которую переписали несколько наших лучших рецептов, а также цены на продукты и различные инструкции о том, как «питаться наилучшим образом», которая ее необычайно растрогала... Сегодня, после трех недель тяжелой работы, я закончила «нижнюю юбку для принцессы» (the princess petticoat), которую я делала для свадебного подарка Женни. Это самая прекрасная вещь такого рода, какую я когда-либо видела. ... Сейчас все это готово, и я чувствую, что груз свалился с моих плеч, и я могу подпрыгнуть. ... Я рада сделать это для Женни, которая является дорогой для нас девочкой и которая для нас как своя собственная, а также ради ее покойного отца, бывшего столь неизменно любезным с нами.

1911 г.

01/04. Бракосочетание Женни пришлось на двадцать второе декабря и было таким милым и простым — она и пять ее подружек несли венец, подобно тому, как иногда Женни могла видеть в «Домашнем журнале для дам» (Ladies' Home Journal). Это смотрелось очень приятно, насколько я могу судить, но вызвало встревоженный шумок у немецкой колонии. Все они были разочарованы церемонией венчания, поскольку нашли ее недостаточно торжественной для сына генерал-губернатора и дочери военноморского врача в генеральском чине. Но все это соответствовало пожеланиям обеих сторон, и этого было достаточно. Генерал Унтербергер и сам прибыл без какой-либо свиты, столь же просто, как и любой другой человек, и это также не понравилось им. После церемонии был прием в доме священника, поскольку пастор и доктор Бирк были друзьями детства в Дерпте, и Женни была для него как своя собственная; после этого ближайшие друзья и мы среди них, в количестве около тридцати, отправились к госпоже Бирк на свадебный завтрак, который был очень радостный. Питер сказал «Яа» [Да] так громко, что от этого затрещали стропила кирхи, а ответы Женни были очень тихие.

02/21. На прошлой неделе я нанесла трехдневный визит Питеру и Женни Унтербергерам в их горном «замке». Он капитан инженеров и строит батарею на высоте №217, наивысшей точке всего полуострова и которая будет одним из важнейших укреплений вокруг, поскольку она командует над всем полуостровом от Угольной {Угольная [так; первая часть названия написана в оригинале русскими буквами]} до Владивостока, на дистанции около двадцати пяти миль. Женни и я выехали туда на своего рода «собачьей двуколке», наши ноги помещались в огромном меховом мешке, и мне было настолько свободно, что кто-нибудь мог сыграть со мной в футбол и меня бы это не стеснило... Секретарь Питера сопровождал нас

верхом. Дорога вилась среди гор восемнадцать верст, но поскольку она была военной, то была вполне приличной. Женни уступила мне вожжи на добрую часть пути, и я наслаждалась этим невообразимо. Мы имели небольшое приключение с автомобилем (не являются ли такие вещи явным изобретением дьявола?) в опасном месте на склоне сопки, но он остановился, пока мы и наш сопровождающий не проехали мимо, и солдат из автомобиля просигналил вслед нашему тихому коню. Питер и Женни живут в прекрасном большом солнечном доме, чуть ниже хребта, укрывающего их от северного ветра и глядящего на Уссурийский залив. Амурский залив также виден из-за хребта, и, как я сказала, нас как будто подняло сюда ветром, имея я вес три фунта вместо пяти, я бы просто улетела в небо, как на аэроплане.

08/31 [Четверг]. Бесси [Иви; из Шанхая] и я нанесли двухдневный визит Женни во вторник и среду. Мы просто наслаждались, поднявшись в небеса, где живут Питер и Женни. Часть времени стоял такой плотный туман, что создавалось впечатление, как если бы дом был подвешен в середине неба. Семьсот человек были задействованы на работах на форту, и было очень интересно видеть их, возводящих бруствер из прочных бетонных стен. Как только туман опал, мы сразу смогли посмотреть вниз на полуостров, который выглядел, как детская площадка для игр, так низко и мелко казалось все с высоты, на которой мы находились. Дорога наверх была восхитительна, извиваясь вдоль склонов сопки около пятнадцати миль, причем почти весь путь был с видом на открытое море, которое было особенно великолепно, после всех этих загороженных сушией бухт вокруг нас, прекрасное, как и они сами.

1912 г.

11.23 [Суббота]. В четверг Женни пригласила Кишевичей и нас на батарею на полдник, но мужская часть общества не смогла поехать, поэтому поехали только мы, три женщины, и имели для этого прекрасную погоду. Женни послала свой экипаж и что-то вроде собачьей двуколки (называемой здесь «Американка», небеса только знают, почему), поэтому я залезла в это вместе с мальчиком, который пригнал ее вниз, и правила весь путь наверх и обратно, путь, который усладил мою душу поездкой, явившейся наибольшим наслаждением, которое я имела. Женни привлекла на свою службу кавказскую кухню, и мы получили угощение из трех чисто кавказских блюд — супа, называемого «чихотма», блюда из фазана, капусты и др., называемого «Чехомбили» и нечто вроде барашка под соусом, жаренного на противне, установленном в кирпичной духовке, называемого «лакевада», и одно блюдо было лучше другого. При возвращении назад Женни отправила нас по новой дороге, извивающейся вдоль склонов сопки на западной стороне полуострова, около пятнадцати миль, как я бы предположила, но такой прекрасной на рассвете, поскольку деревья и снег были, как на картине. Утром мы проехали через середину полуострова около двадцати миль, причем все время через пустынную местность, а дороги были совершенно свободны.

1913 г.

04/02 [Среда]. Сейчас я снова на горе и провожу несколько дней с Питером и Женни, которые послали их экипаж за госпожой Бирк и мною в понедельник в полдень, и мы имели такую славную вторую половину дня, поскольку мы проехали по этим местам, не говоря уже о теплом приеме, который, как и всегда, ожидал нас. Вчера был день рождения Питера — он лишь чуть избежал родиться на апрельский день дураков, будучи рожденным в России, где это только 19 марта. Ему тридцать два года... Вчера двое полковников, военных инженеров, прибыли для проверки успеха работ на форту и остались здесь обедать, но, конечно, ни один из них не вспомнил о дне рождения, который мы отметили во время вечерне-

го чая с шоколадом и пирожными. Какое приятное время мы провели, занимаясь вышиванием в большой солнечной спальне Женни, где имелись два больших мягких дивана, прекрасные места, чтобы было удобно сидеть за работой — один из них был настолько большой, как отдельная кровать. После обеда мы выходили на прогулку — или, по крайней мере, мы делали это вчера, но сегодня Женни распорядилась об экипаже и мы сделали большое путешествие вдоль цепи фортов к Седанке, но все время по южной стороне сопки, поэтому мы ни разу не были в таком месте, откуда бы могли видеть нашу дачу. (Дача находилась в имении Голенштедта — Ново-георгиевское, на полуострове, называемом в настоящее время Де-Фриз)...

05/01/. Две катастрофы произошли на прошлой неделе, одна ужасней другой. У трамвая вышел из строя тормоз, и молодой водитель, новичок, забыл воспользоваться запасным тормозом, в результате трамвай вместо того, чтобы повернуть направо за угол на Светланскую, соскочил с рельсов, полетел прямо и приземлился в колбасной лавке Элвангера. Несколько человек были ранены и одна женщина умерла — но от сердечного приступа, а не от травм. Другая катастрофа произошла с большим автомобилем Бенц, принадлежащим генералу Нищенкову [в оригинале Нищенко], коменданту крепости. Он, его сын и дочь поднимались на 217 высоту (где живут Питер и Женни). При спуске с холма лопнула ведущая цепь и они сорвались в пропасть — и там ужасно разбились. Водитель и сын, молодой кадет, были убиты на месте, а генерал и мисс Нищенкова были тяжело покалечены. Такой вот ужасный конец весенней прогулки.

1914 г.

08/23 [Среда]. В пятницу утром я выходила проведать госпожу Бирк и застала здесь Женни с ее маленькой четырехмесячной дочуркой, которая такой симпатичный ребенок, какого я не видела с тех пор, как родилась Дороти. Она что-то пролепетала и улыбнулась мне, когда я показала в комнате, чтобы подождать госпожу Бирк и Женни (они ходили за покупками), и я была просто очарована ей. Питер сейчас выполняет двойную работу, поскольку многие инженеры отправлены на фронт, поэтому он должен наблюдать не только за строительством своей батареи, но также и за другой, находящейся в семи милях от нее, и это отнимает у него все силы. Если война не закончится до ноября, он также должен будет отправиться на фронт.

12/11. Вчера утром Женни послала двуколку за мной, и я провела у нее середину дня, вернувшись назад только в час пополудни. Крошка Эдит весьма симпатична — такая хорошенькая, настоящий младенец, и такая приятная. Питер в приподнятом настроении собирается отправиться на войну в один из этих дней — добровольно, поскольку наступает зима, когда его работа останавливается.

* * *

По прибытии в Действующую армию подполковник Унтербергер был направлен в распоряжение начальника инженеров крепости Ивангород, находившейся на угрожаемом направлении, а также принимал в 1915 г. участие в укреплении г. Радома. За отличия в боевых действиях он был произведен в полковники. В 1916—1917 гг. полковник Унтербергер воюет в рядах русского экспедиционного корпуса во Франции и в Греции на Салоникском фронте. После выхода России из войны в 1918 г. полковник Унтербергер не принимает Брестского мира и, храня верность союзническому долгу, поступает добровольцем во французскую армию, где получает чин майора корпуса военных инженеров Франции².

После окончания первой мировой войны П.П. Унтербергер вернулся в ставший ему родным Владивосток и с 1919 г. находился в рядах войск адмирала А.В. Колчака². Он продолжал числиться офицером французской армии и, вероятно, находился в составе французской военной миссии. В конце 1919 г. у

него родился сын Пауль Фридрих. После общего краха колчаковского режима и эвакуации французской военной миссии Унтербергер в январе 1920 г. прибыл во Владивосток и получил назначение на Русский остров командиром 1-го батальона в так называемую школу Нокса, буквально за несколько дней до переворота 31 января, когда власть колчаковцев рухнула и здесь. Интересно отметить, что на Русском острове Унтербергер появился в форме французского офицера, не успев даже сменить ее на русский мундир¹⁵. После меркуловского переворота 26 мая 1921 г. полковник П.П. Унтербергер вновь вернулся на военную службу и стал начальником инженеров Владивостокской крепости, а также исполнял должность начальника инженеров снабжений войск Приамурского правительствa. Обреченность «дела, не получившего благословения Бога», была ясна для всех участников, боровшихся на последнем островке Белой России. Однако они решили сопротивляться до последней возможности. 15 сентября 1922 г. в Никольске-Уссурийском прошел Дальневосточный национальный съезд, собравший около двухсот делегатов, который призвал население дать решительный бой коммунистам на последнем «свободном» клочке русской территории. П.П. Унтербергер принял активное участие в работе съезда и даже был избран в состав его совета¹⁶.

Несмотря на кровавые распри гражданской войны, П.П. Унтербергер, последовательный и непримиримый противник большевизма, не забывал о национальных интересах России вне зависимости от того, какой режим находится у власти. Перед эвакуацией из Владивостока в октябре 1922 г. он препятствовал уничтожению японцами артиллерийского вооружения крепости, разрешив им только подрыв малыми зарядами тех частей лафетов крепостных орудий, которые нельзя было быстро отремонтировать вне арсеналов, причем на каждый подрыв русскими офицерами составлялся специальный акт. Он также не допустил попадания в руки японцев ценнейшей технической документации по фортификационным сооружениям, поручив оставшимся во Владивостоке работникам крепостного инженерного управления передачу всех документов в фортификационный отдел штаба Народно-революционной армии Дальневосточной республики. Поскольку в 1923 г. по соглашению с Японией Владивостокская крепость была упразднена, Петр Павлович Унтербергер фактически оказался ее последним начальником инженеров.

С 1922 г. П.П. Унтербергер проживал в эмиграции в Китае и Корее, работая инженером в департаменте общественных работ муниципалитета г. Шанхая. Через десять лет после ухода с военной службы П.П. Унтербергеру неожиданно вновь пришлось применить знания военного инженера и вспомнить свой боевой опыт. В 1932 г. японцы в ходе военных действий в Китае начали операцию по захвату Шанхая. Высадившийся в городе японский десант не удовлетворился разгромом и разграблением китайских кварталов города и попытался проникнуть на территорию международного сэттльмента — района, где традиционно проживали европейцы. Совершенно неожиданно японцы натолкнулись на мощные укрепления, возведенные П.П. Унтербергером вокруг международного сэттльмента незадолго до появления японских войск в Шанхае. Японцы, не ожидавшие встретить в мирном городе что-либо подобное, вынуждены были отступить и даже принести свои извинения. Таким образом, жизнь и имущество жителей сэттльмента не пострадали, а П.П. Унтербергер подтвердил свою высокую профессиональную репутацию военного инженера русской школы.

Военные действия в Китае нарушили относительно спокойный ход жизни семьи Унтербергеров. К этому времени старший сын Георгий закончил в Вене реальное училище и высшее техническое училище, где получил диплом инженера. В 1933 г. он женился на уроженке г. Вены докторе философии (соответствует степени кандидата наук) Фредерике Дуб и стал жить самостоятельно, работал в Пекине и Шанхае. Он принял австрийское гражданство. Остальные Унтербергеры в 1934 г. приняли гражданство Пруссии и переехали в Северную Корею, на территории которой в то время каких-либо военных действий не велось. Там они жили рядом с семьей их старого владивостокского друга Юрия Михайловича Янковского до 1945 г.

Бывший форт №2, построенный П.П. Унтербергером, с началом второй мировой войны вновь оказался востребованным жизнью. 4 мая 1940 г. на старом полузаброшенном форте, лишь небольшая часть которого использовалась под хранилище боеприпасов, появилась группа высших командиров Тихоокеанского флота (ТОФ), тщательно осмотревших все подземные и казематированные помещения. Среди них были начальник штаба флота капитан 1 ранга Богденко, комендант береговой обороны главной военно-морской базы ТОФ Владивосток комбриг Малаховский, военный комиссар штаба ТОФ батальонный комиссар Шиян, начальник 1 отдела штаба ТОФ капитан 2 ранга Сурабеков, начальник отдела связи ТОФ капитан 2 ранга Смирнов и начальник проектного бюро инженерного отдела ТОФ военный инженер 2 ранга Бродецкий¹⁷. Так начала работу специальная комиссия, назначенная приказом командующего ТОФ флагмана флота 1 ранга Юмашева для определения пригодности размещения на форту Главного командного пункта Тихоокеанского флота. В итоговом акте члены комиссии с удовлетворением отметили, что сооружения форта вполне могут обеспечить защиту от попадания тяжелых фугасных авиабомб ФАБ-500, а сам форт по количеству помещений, их объему и взаимному расположению вполне отвечает всем требованиям для размещения ГКП ТОФ и некоторых центральных учреждений флота.

Комиссия предложила разместить в левой тоннельной казарме командование и штаб флота, а также командование и штаб береговой обороны главной базы. В правой тоннельной казарме разместили военный совет и политическое управление. Тоннельные казармы были признаны наиболее защищенными помещениями старого форта. В нижнем этаже казематированного блока горжевой казармы и промежуточного полукапонира расположили узел связи, скрытое управление, разведывательный отдел и резервное помещение военного совета. Верхний этаж блока, где располагались боевые казематы промежуточного полукапонира, также отвели под резервное помещение военного совета. Подбрустверные галереи форта тоже не остались без внимания. Брустверы постарались замаскировать от наблюдения с воздуха путем частичной засыпки землей их обратных скатов, а сами галереи отвели под размещение личного состава, обслуживавшего командный пункт. Форт предполагалось переоборудовать к 1 сентября 1940 г., а монтаж всех средств связи завершить к 1 февраля 1941 г. В районе форта весь летний период 1940 г. дислоцировался один из полков 1-й отдельной стрелковой бригады для освоения системы обороны. В окрестностях форта оборудовали несколько легких пулеметных точек в виде железобетонных куполов с амбразурами, идентичных таковым в сухопутной обороне береговых батарей, а для обороны подступов к форту с тыла возвели железобетонный пулеметный дот. Вновь созданный командный пункт получил кодовое наименование «Скала». С берегового флагманского командного пункта «Скала» осуществлялось руководство деятельностью всех частей Тихоокеанского флота в 1941—1945 гг.

Начавшаяся вторая мировая война внесла разлад в семью П.П. Унтербергера. Его жена Женни Людвиговна стала считать себя немецкой патриоткой и решила отправить своего сына Пауля Фридриха в 1941 г. в Германию. Юноша был воспитан как русский, считал себя русским и идти воевать против своего народа не хотел, однако нарушить волю матери не смог. Не мог одобрить этого решения и сам Петр Павлович — полковник русской армии и французский майор, дравшийся с немцами в 1914—1918 гг. не за страх, а за совесть. Тем не менее Пауль, как сообщает В.Ю. Янковская, отправился на театр военных действий и погиб на Восточном фронте в первом же бою. По другой версии, которой придерживаются его родственники, он служил в частях пожарной охраны и погиб в Германии во время американских бомбардировок, что представляется более вероятным (сообщение Б.А. Дьяченко). От него осталась только фотография в немецкой военной форме, присланная на память его подруге Виктории Янковской. В 1945 г. эта фотография, найденная сотрудниками НКВД, чуть не стоила ей жизни.

В августе 1945 г. именно с бывшего форта №2 был отдан приказ о начале десантных операций на побережье Северной Кореи, способствовавших ско-

рейшему продвижению на юг вдоль корейского побережья советских войск. Это заставило П.П. Унтербергера уже навсегда покинуть Дальний Восток. Петр Унтербергер не испытывал никаких иллюзий относительно коммунистического режима, и его решение бежать от наступающих советских войск, безусловно, спасшее ему жизнь, было вполне осознанным и твердым. Он попал в американскую зону оккупации и смог переехать с семьей в Германию, где умер в глубокой старости в 1960 г. Его внук Фридрих Пауль, сын его старшего сына Георга (Георгия Петровича), родившийся в Кобе (Япония) в 1937 г., проживает в Мюнхене, сравнительно недалеко от тех мест, откуда в 1732 г. 13-летний Михаэл Унтербергер, давший начало российской ветви семьи Унтербергеров, выехал со своими родителями-крестьянами в поисках лучшей доли на север. Другие родственники Петра Павловича Унтербергера также проживают в Германии. Как ценнейшую семейную реликвию Унтербергеры берегут перчатку последнего российского императора, вывезенную П.П. Унтербергером при поспешном бегстве из Северной Кореи. Большинство Унтербергеров уже не знают русского языка, но они никогда не забывают русское прошлое своей семьи и заслуженно гордятся им.

Многие поколения семьи Унтербергеров родились и выросли на территории России, верой и правдой служили ей как квалифицированные ремесленники, ученые, врачи, инженеры и офицеры. Вынужденный отъезд этой семьи за границу безусловно, явился потерей для страны.

Авторы выражают искреннюю признательность приморским краеведам Б.А. Дьяченко, В.П. Хохлову, Д.А. Анче, А.И. Груздеву и В.А. Козько за помощь в подготовке материала, а также профессору Университета штата Вашингтон в г. Пулмане (США) Биргитте Ингемансон, предоставившей в распоряжение авторов выписки из писем Элеоноры Л. Прей, и владелице писем г-же Патриции Д. Силвер, любезно разрешившей опубликовать эти выписки.

¹ РГВИА. Ф.409. Оп.1. Д.160982, п/с 110—854.

² Там же.

³ РГВИА. Ф.13149. Оп.5. Д.1275.

⁴ Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Крепость Владивосток. Создание и развитие в 1860—1899 гг. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII—XIX вв. Историко-археологические исследования. Т.3. С.219—237. Владивосток, 1998.

⁵ Калинин В.И., Аюшин Н.Б. Морская крепость Владивосток // Вестник ДВО РАН. 1996. №5. С.96—106.

⁶ РГИАДВ. Ф.1. Оп.1. Д.1816. Ф.28. Оп.1. Д.157.

⁷ Кокцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1911 гг. Кн.1, 2. М., 1992.

⁸ РГВИА. Ф.349. Оп.8. Д.2316.

⁹ РГВИА. Ф.802. Оп.5. Д.16331, 16793; Ф.13149. Оп.4. Д.1097.

¹⁰ Яковлев В.В., Шмаков Н.И. Долговременные фортификационные формы к началу и во время империалистической войны 1914—1918 гг. М., 1936.

¹¹ ГАПК, Научно-справочная библиотека, Приказы по Владивостокской крепости и 4 Сибирскому армейскому корпусу, Приказ №38-а от 25 января 1911 г.

¹² РГВИА. Ф.13149. Оп.5. Д.490.

¹³ Письмо Виктории Юрьевны Янковской из США (штат Калифорния) Б.А. Дьяченко // Рубеж. 1992. №1. С.344—347.

¹⁴ Письма Элеоноры Л. Прей родственникам в США. 1910—1914 гг. Архив семьи Сильвер. Флорида. США.

¹⁵ Капитан Хартлинг. На страже Родины. События во Владивостоке: конец 1919 г. — начало 1920 г. Шанхай, 1935.

¹⁶ Г.С. Чечулина. Политический комментарий // Дело не получило благословения Бога. (Дальневосточные сюжеты Октября) Хабаровск, 1992.

¹⁷ РГАВМФ. Ф. Р-1009. Оп.1. Д.63. Л.36—43. Л.109—110.

SUMMARY: The article by Doctor of Biological Sciences V. Kalinin and Candidate of Biological Sciences N. Ayushin «Colonel P.P.Unterberger» is devoted to the destiny of a military engineer, builder of Vladivostok fortress. In «Russia and the Pacific» (№ 2, 2000) the authors published the article about engineer-general P.F. Unterberger. Now they tell about the general's son.